

Алексей Митрофанов
Неглинная

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов
Неглинная. Прогулки
по старой Москве

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187654
ISBN 9785449061973*

Аннотация

Неглинная названа по речке Неглинке, и сегодня протекающей внизу, в невидимых проходим трубах. Еще в начале прошлого столетия на картах обозначали Неглинный проезд, переходивший в Неглинный же бульвар. В 1922 году их объединили в улицу, название при этом оставили прежнее.

Содержание

Дом «Метрополь»

6

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Неглинная

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-6197-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Неглинная скромна. Она проходит между пафосной Петровкой и Рождественкой – улицей, впрочем, еще более скромной. Названа Неглинная по реке Неглинке, и сегодня протекающей внизу, в невидимых проходим трубах. Еще в начале прошлого столетия на картах обозначали Неглинный проезд, переходивший в Неглинный же бульвар. В 1922 году их объединили в улицу, название при этом оставили прежнее. На фоне многочисленных и идеологических переименований тех времен – весьма гуманно.

Улица берет свое начало от отеля «Метрополь» и продолжается на задворках Малого театра, ЦУМа, Петровского пассажа – об этих достопримечательностях мы уже писали в книге про Петровку, так что повторяться не станем. И поэтому поначалу наше путешествие ограничится по большей

части правым тротуаром. Но только лишь поначалу, пока Неглинная не перейдет в бульвар.

Окончание же нашего маршрута, как обычно, вдалеке от того места, где Неглинная официально завершается. Такова уж Москва – как пойдешь, не остановишься.

Дом «Метрополь»

ЗДАНИЕ ГОСТИНИЦЫ «МЕТРОПОЛЬ» (Театральный проезд, 1/4) построено в 1905 году по проекту архитектора В. Валькота.

«Метрополь» – это, в первую очередь, игрушка. Большая, изящная и дорогая. Город запросто может обойтись без нее, но, конечно, не хочет.

«Метрополь» – это роскошь. Роскошно даже то, что выставлено на потребу проходящих мимо. И это – лишь наружность. Невозможно представить, что там внутри.

Своим появлением на свет гостиница прежде всего обязана Савве Ивановичу Мамонтову. Мамонтов являлся председателем правления Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, и помимо этого создал огромное количество различных предприятий, связанных между собою финансово. То есть деньги Общества шли (разумеется, с согласия акционеров) на надобности прочих составляющих мамонтовского конгломерата. Акционеры оставались довольны, поскольку дивиденды получали очень даже немалые. Так что и строительству отеля не противились.

Но, как водится, далеко не все финансовые операции проводились безошибочно и строго в соответствии с законом. В результате Мамонтова обвинили в незаконном изъятии

из кассы Общества весьма приличной суммы денег. И потребовали тотчас вернуть в нее 800 тысяч рублей. А в наличии у Мамонтова оказалось только 53 рубля с полтиной. Так 1-й гильдии купец, почетный гражданин, гласный Мосгордумы, известный меценат, покровитель Врубеля, Шаляпина, Серова и множества других весьма известных творческих личностей, сам неплохой любитель-лепщик, оказался в Таганской тюрьме.

Собственно, неожиданностью это не стало. Властям давно уже был подозрителен промышленник. Тем более, ревизии мамонтовского железнодорожного общества выявляли превышение сметы. Но Мамонтову удавалось эти нарушения обосновать.

Кроме того, в то время были в силе идеологи славянофильского (и, вообще говоря, ретроградского) толка. Они противились всем крупным частным предприятиям и ратовали за их национализацию. «Когда же закончится эта полоса биржевой политики, создание плутократии обрезаной и крещеной, дружно воздвигающей алтари золотому тельцу, это т.н. обращение России из страны земледельческой в промышленную?» – возмущался один из славянофильских журналов. Так что арест Саввы Ивановича был еще и актом идеологическим.

Беда не приходит одна. И в конце 1901 года практически достроенное здание «Метрополя» вдруг запылало и сгорело в течение двух дней. Даже описание того пожара ужа-

сает: «Несмотря на невероятные усилия пожарных команд, все четыре верхних этажа, огромная роскошная концертная зала, надворные постройки выгорели; крыша, исключая переднего фасада, провалилась, а равно и обрушились потолки один за другим».

Кое-кто из москвичей, конечно же, порадовался той трагедии. Некий протоиерей Бухвостов даже усмотрел в том божий промысел. Он писал (в отдельной, специально изданной брошюре): «И благомыслящие люди видят в пожаре „Метрополя“ Божие наказание и вразумление. Строители украсили дом неподобающими картинами; вот огонь истребляет дом и пожирает те миллионы, которые употреблены на него... Быть может, возразят, что все это изображения художественные. Но... художественным картинам место в художественных музеях, а не всюду, когда они имеют некоторый соблазнительный вид».

Под «соблазнительным видом», конечно, имелась в виду картина Врубеля «Принцесса Греза». Впоследствии М. А. Булгаков скажет про нее: «Под этим небом „Принцесса Греза“ – размытая и тусклая».

Он был киевским уроженцем, и при всей своей любви к Москве терпеть не мог здешнего климата.

* * *

Мамонтов являлся главным компаньоном этого предприятия и замышлял некий невиданный в Москве культурный

центр с театром, рестораном, картинными галереями и даже катком. Гостиница все же была впоследствии отстроена, но при других владельцах и во вполне традиционном духе.

Предчувствуя падение своего покровителя, из мамонтовской «Частной оперы» перешел в Большой театр Федор Иванович Шаляпин. Полностью были разорваны и отношения Саввы Ивановича с супругой, дамой набожной, тяготеющей к тому самому славянофильскому толку и чуждой всех новаций своего мужа. Предали Мамонтова и товарищи по железнодорожному мероприятию – они тотчас поддержали обвинение.

Разумеется, были у Мамонтова и защитники. В частности, Влас Дорошевич. А Валентин Серов, в то время писавший портрет Николая II, умолял его выпустить Мамонтова из тюрьмы.

Сам же Савва Иванович сидел в своей камере и лепил из глины статуи. Моделями служили надзиратели. Мамонтов был уверен в том, что все случившееся – просто недопонимание, которое вот-вот должно разъясниться, и он вернется к своим делам. Однако суд признал его виновным, и в 1902 году имущество Саввы Ивановича было распродано с аукциона.

Вернуться к делам не удалось. Умер Савва Иванович вскоре после революции, в 1918 году, до этого проживал в Бутырках, в домике, принадлежавшем его дочери. Такая история.

* * *

С «Метрополем», в результате, все вышло очень хорошо. Путеводитель по дореволюционной Москве сообщал: «Здание „Метрополь“ отличается необыкновенной причудливостью. Это наиболее выдающаяся в Москве постройка в стиле модерн». Однако оговаривался: «Весь этот замысел с его сложностью, пестротой и обнаженными фигурами вызвал ожесточенные нападки консервативной печати».

В результате, протоиерей Бухвостов и другие консерваторы остались в меньшинстве, а здание гостиницы, отстроенное в скором времени заново, пришлось весьма по вкусу москвичам. В первую очередь, конечно, москвичам со средствами, а также многочисленным ценителям новых искусств. Тем более, на третьем этаже гостиницы обустроились редакция журнала символистов «Весы» и тоже символистское издательство – брюсовский «Скорпион». Славословил Сергей Соловьев:

Вот Мельпомены храм, где царствует фон-Боль,
А там – исчадие последних модных вкусов —
Как новый Вавилон, воздвигся Метрополь,
Исконный твой очаг, великолепный Брюсов!

Учитель и поэт! я верю в ваш союз,
Тебя поет мой стих и славит благодарно:
Ты покоришь себе иноплеменных муз,

И медь Пентадия, и вольный стих Верхарна.

А Бронислава Погорелова самозабвенно восхищалась местоположением издательства: «Москвичам хорошо был известен выстроенный в конце XIX века дом «Метрополь» на Театральной площади. Импозантный пятиэтажный модерн с вычурными декадентскими фресками, украшавшими верх фасада. Вся переднюю часть здания, выходящую на площадь, занимали первоклассная гостиница, роскошный ресторан с обширной залой и кабинетами и – что по тому времени являлось небывалой новинкой – нарядный бар, в котором днем и ночью развлекались московские кутилы. А задняя часть здания, выходящая на древнюю Китайгородскую стену, была занята дорогими квартирами, снабженными всем мыслимым в ту пору комфортом. В одну из таких небольших квартир вселилось только что возникшее издательство «Скорпион».

О нем можно сказать, что оно «вывело в люди» символистов, более известных вначале под кличкой «декадентов», о которых широкая публика в доскорпионовскую пору черпала все сведения из грубоиздевательских статей малокомпетентных газетчиков. Над символистами посмеивались, их никто не печатал. А если немногим из них и удавалось самостоятельно выпускать свои произведения, то они появлялись в виде неказистых книжонок, изданных буднично и небрежно. Но счастье неожиданно улыбнулось смелым новаторам,

когда они в лице Сергея Александровича Полякова встретили щедрого мецената и деятельного издателя».

Поляковских капиталов хватало не только на скромные издательские нужды. А потому соседство с «баром» пришлось очень кстати – там сотрудники частенько завершали свой трудовой день.

Поэт Сергей Кречетов писал о вечерах в «Скорпионе»:

Собирались они по вторникам,
Мудро глаголя.
Затевали погромы с дворником
Из Метрополя...

Так трогательно по вторникам,
В согласии вкусов,
Сочетался со старшим дворником
Валерий Брюсов.

Бывало ли в реальности такое? Отчего же нет.

Кстати, сам Брюсов приходил на заседания редакции исключительно пешком. Он говорил:

– Такая прогулка по оживленным московским улицам мне необходима. Когда я иду в редакцию, почти всегда сочиняю стихи.

И подкреплял сей тезис собственно стихами:

Люблю одно: бродить без цели

По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.

Я с изумленьем, вечно новым,
Весной встречаю синеву,
И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.

Смотрю в лицо идущих мимо,
В их тайны властно увлечен,
То полон грустью нелюдимою,
То богомолен, то влюблен...

Брюсов был в те времена величиной неопиcуемой. Его поддержка означала для начинающих поэтов практически гарантию литературного успеха. Одна из современниц вспоминала: «Молодые поэты поднимались по лестнице гостиницы „Метрополь“ с затаенным сердцебиением. Здесь решалась их судьба – иногда навсегда, здесь производилась строжайшая беспристрастная оценка их дарования, знаний, возможностей, сил. Здесь они становились перед мэтром, облаченным властью решать, судить, приговаривать».

Трудно было поверить, что совсем недавно, несколько лет тому назад над самим Брюсовым смеялась вся Москва – за моностих «О, закрой свои бледные ноги».

Философ и поэт Владимир Соловьев иронизировал: «Для

полной ясности следовало бы, пожалуй, прибавить: „ибо иначе простудишься“, но и без этого совет г. Брюсова, обращенный очевидно к особе, страдающей малокровием, есть самое осмысленное произведение всей символической литературы».

Сам Тынянов недоумевал: «„Почему одна строка?“ – было первым вопросом... и только вторым вопросом было: „Что это за ноги?“».

А теперь вот, пожалуйста – мэтр.

* * *

В той же гостинице прошел банкет в честь выхода первого номера журнала «Золотое руно» – самого роскошного во всей истории российской периодики. «Этот вечер меня ужаснул, ведь еще недохлопали выстрелы, а зала „Метрополя“ огласилась хлопаньем пробок; художники в обнимку с сынками миллионеров перепились среди груд хрусталя и золотоголовых бутылок», – злословил Андрей Белый.

Дело в том, что торжества прошли как раз тогда, когда было подавлено восстание 1905 года, а восстанию Белый весьма симпатизировал. Зато он недолюбливал издателя «Руна» Н. Рябушинского и называл его издерганным розовым порошком. А потому, скорее всего, Андрей Белый был несправедлив к участникам этого праздника.

Зато в ресторанном меню «Метрополя» появилось мороженое «Золотое руно». Говорят, его любил Сытин – извест-

нейший книгоиздатель дореволюционной Москвы. Он имел в «Метрополе» свой столик, где каждый день просиживал часок, общаясь и с партнерами по бизнесу, и просто так, с друзьями.

А как-то раз здесь за ужином встретились Илья Репин, Виктор Васнецов, Василий Суриков и Валентин Серов. Суриков поднял бокал шампанского и произнес:

– Я пью за здоровье четырех величайших русских художников.

Затем Васнецов покидает компанию, и Суриков поднимает очередной тост:

– Теперь, когда мы остались втроем, я, не кривя душой, наконец-то могу выпить за здоровье трех величайших русских художников.

Потом уходит Серов, и Суриков вновь поднимает бокал:

– Что ж, Илья, уж мы-то с тобой знаем, кто есть в действительности два величайших российских художника. За нас!

Репин выпивает, вскакивает, бежит в гардероб и говорит Серову, натягивающему пальто:

– Угадай, что сейчас Суриков делает! Не угадал? Пьет за здоровье единственного великого художника России.

В конце 1910 года здесь был дан предновогодний «Авиационный карнавал», посвященный развитию авиации. Посему под потолком парил огромный дирижабль.

Славился метрополев ресторан – свидетель множества неповторимых и прекрасных сцен. Шаляпин, например, здесь пел «Дубинушку» – когда вышел знаменитый царский манифест 17 октября 1905 года о «даровании незыблемых основ гражданской свободы». Он писал в воспоминаниях. «Пришлось мне петь однажды „Дубинушку“ не потому, что меня об этом просили, а потому, что царь в особом манифесте обещал свободу. Было это в Москве в огромном ресторанном зале „Метрополя“... Ликовала в этот вечер Москва! Я стоял на столе и пел – с каким подъемом, с какой радостью!»

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник вспоминала этот случай: «Шаляпин как-то ужинал после спектакля в ресторане гостиницы «Метрополь», куда из театров съезжалось много народу. Кто-то попросил Шаляпина спеть «Дубинушку», и он согласился. Те, кто слышал «Дубинушку» в исполнении Шаляпина только по грамофонной записи, не могут и представить себе все богатство и мощь этого удивительного голоса. А в «Дубинушку» Шаляпин вкладывал, кроме того, так много: всю затаенную силу русского народа, весь ужас того гнета, который тяготел над ним и который он впоследствии так победно сбросил.

Пророчески звучало все это в русской песне – и, как всегда в те времена, особенно поражало несоответствие того, о чем пелось в песне, и того, что было кругом. Перед глазами взысканных судьбой слушателей, сидевших за столика-

ми, уставленными бутылками шампанского и разными деликатесами, так и вставала Волга и бурлаки, тянувшие бечеву, как на знаменитой картине Репина, – и песню их пел Шаляпин, словно олицетворявший ширину и силу своей родной реки. Когда он кончил петь и улеглись овации, он взял шляпу и пошел по столикам. Никто не спрашивал, на что он собирал: знали отлично, что деньги пойдут на революционные цели... Но собрал он огромную сумму».

Кстати, этот поступок знаменитого певца вошел в литературу. Горький писал в своем романе «Жизнь Клима Самгина»:

« – Просим! Про-осим! – заревели вдруг несколько человек, привстав со стульев, глядя в дальний угол зала.

Самгин чувствовал себя все более взрослым и трезвым среди хмельных, ликующих людей...

Шум в зале возрастал, как бы ища себе предела; десятки голосов кричали, выли:

– Просим! Милый... Просим... «Дубинушку»!

...Тишина устанавливалась с трудом, люди двигали стульями, звенели бокалы, стучали ножи по бутылкам, и кто-то неистово орал:

– В восемьдесят девятом году французская аристократия, отказываясь от...

– К чорту аристократию!

Бородатый человек в золотых очках, стоя среди зала, размахивая салфеткой над своей головой, сказал, как брандмей-

стер на пожаре:

– Господа! Вас просят помолчать.

– А как же свобода слова? – крикнул некий остроумец.

Но все-таки становилось тише, только у буфета ехидно прозвучал костромской говорок:

– Да – от чего же ты, Митя, откажешься в пользу народа-то, ежели у тебя и нету ни зерна, кроме закладных на имение да идеек?

– Шш, – тише!

Тут Самгин услышал, что шум рассеялся, разбежался по углам, уступив место одному мощному и грозному голосу. Углубляя тишину, точно выбросив людей из зала, опустошив его, голос этот с поразительной отчетливостью произносил знакомые слова, угрожающе раскладывая их по знакомому мотиву. Голос звучал все более мощно, вызывая отрезвляющий холодок в спине Самгина, и вдруг весь зал точно обрушился, разломилась стены, приподнялся пол и грянул единомудушный, разрушающий крик:

Эх, дубинушка, ухнем!

– Чорт возьми, – сказал Лютов, подпрыгнув со стула, и тоже завизжал:

– Эй-и...

Самгина подбросило, поставило на ноги. Все стояли, глядя в угол, там возвышался большой человек и пел, покрывая нестройный рев сотни людей. Лютов, обняв Самгина за талию, прижимаясь к нему, вскинул голову, закрыв глаза, ис-

точная из выгнутого кадька тончайший визг; Клим хорошо слышал низкий голос Алины и еще чей-то, старческий, дрожавший.

Снова стало тихо; певец запел следующий куплет; казалось, что голос его стал еще более сильным и уничтожающим, Самгина пошатывало, у него дрожали ноги, судорожно сжималось горло; он ясно видел вокруг себя напряженные, ожидающие лица, и ни одно из них не казалось ему пьяным, а из угла, от большого человека плыли над их головами гремящие слова:

На цар-ря, на господ

Он поднимет с р-размаха дубину!

– Э-эх, – рявкнули господа: – Дубинушка – ухнем!

Придерживая очки, Самгин смотрел и застывал в каком-то еще не испытанном холоде. Артиста этого он видел на сцене театра в царских одеждах трагического царя Бориса, видел его безумным и страшным Олоферном, ужаснейшим царем Иваном Грозным при въезде его во Псков, – маленькой, кошмарной фигуркой с плетью в руках, сидевшей криво на коне, над людьми, которые кланялись в ноги коню его; видел гибким Мефистофелем, пламенным сарказмом над людьми, над жизнью; великолепно, поражающе изображал этот человек ужас безграничия власти. Видел его Самгин в концертах, во фраке, – фрак казался всегда чужой

одеждой, как-то принижающей эту мощную фигуру с ее лицом умного мужика.

Теперь он видел Федора Шаляпина стоящим на столе, над людьми, точно монумент. На нем простой пиджак серокаменного цвета, и внешне артист такой же обыкновенный, домашний человек, каковы все вокруг него. Но его чудесный, красноречивый, дьявольски умный голос звучит с потрясающей силой, – таким Самгин еще никогда не слышал этот неисчерпаемый голос. Есть что-то страшное в том, что человек этот обыкновенен, как все тут, в огнях, в дыму, – страшное в том, что он так же прост, как все люди, и – не похож на людей. Его лицо – ужаснее всех лиц, которые он показывал на сцене театра. Он пел и – выростал. Теперь он разгримировался до самой глубокой сути своей души, и эта суть – месть царю, господам, рычащая, беспощадная месть какого-то гигантского существа».

Правда, у Горького все это происходило в Большой Московской гостинице. Но мы-то теперь знаем, в каком именно отеле пел Федор Иванович.

Между тем, поэт Дон-Аминадо, в пику этим песням, обвинял отель (и ресторан, в первую очередь) в создании (как минимум) революционной ситуации в России: «Лакеи в красных фраках, с золотыми эполетами; метрдотели, как один человек, в председатели совета министров просятся; во льду шампанское, с желтыми наклейками, прямо из Реймса, от Моэта и Шандона, от Мумма, от Редерера, от вдовы

Клико, навеки вдовствующей.

А в оркестре уже танго играют.

Иван Алексеевич Бунин, насупив брови, мрачно прислушивается, пророчески на ходу роняет:

– Помяните мое слово, это добром не кончится!..

Через год-два так оно и будет.

Слишком хорошо жили».

Когда же умер Лев Толстой, возникла в обществе довольно любопытная идея – купить «Метрополь» и переоборудовать его в огромный музей, назвав этот музей не как-нибудь, а «Дворец Гения».

Да только у энтузиастов денег не хватило.

* * *

Вряд ли кто в то время вспоминал (а уж сейчас тем более), что еще на исходе девятнадцатого века размещалась тут одна из самых плохеньких городских гостиниц. Называлась она Чельшами (поскольку той гостиницей владел купец П. Чельшев) и пользовалась популярностью в первую очередь среди посредственных актеров из провинции, приехавших в Москву искать ангажемента. Владимир Гиляровский так писал о ней: «Здесь стоял старинный домике Чельшева с множеством номеров на всякие цены, переполненных великим постом съезжавшимися в Москву актерами. В «Чельшах» останавливались и знаменитости, занимавшие номера бельэтажа с огромными окнами, коврами и тяжелыми гарди-

нами, и средняя актерская братия – в верхних этажах с отдельным входом с площади, с узкими, кривыми, темными коридорами, насквозь пропахшими керосином и кухней.

Во второй половине поста многие переезжали из бельэтажа наверх... подешевле».

Впрочем, и «наружную» часть Чельшей в то время было не сравнить с сегодняшним аналогом. В Чельшах располагались «трактир, и полпивная, и бани, и закусовая, и мелкие мастерские, здесь ютились всякого рода барышники, включительно до театральных».

Не удивительно, что это здание иной раз попадало в криминальную хронику. Но, правда, все больше по мелочи: «В театре г. Корша в последнее время стали пропадать оставленные публикой в ложах, а иногда и на креслах, бинокли. 17 февраля чиновник полицейского резерва задержал какого-то мальчугана, ходившего в антракте между рядами кресел; мальчугана обыскали в конторе кинотеатра и нашли у него один бинокль. Мальчик назвался сыном крестьянина Рузского уезда Михаилом Семеновым, 14 лет, и объяснил, что отобраанный у него бинокль он похитил из ложи бенуара; кроме того, 15 февраля он утащил в том же театре еще два бинокля, которые продал в мелочную лавочку Ермакова, у Китайской стены, в доме Чельшева. Ермаков, возвратив бинокли, отозвался, что Семенов, принося ему их, уверял, что они достались ему после смерти дяди; не подозревая, что бинокли были краденые, Ермаков и купил их всего

за 3 рубля».

Знал ведь подлец Ермаков, что бинокли ворованные!

Кстати, проживавший здесь историк Нил Попов подписывался псевдонимом «Чельшевский».

* * *

В октябрьскую революцию 1917 года «Метрополь» подвергся артобстрелу. Не потому, что здание гостиницы ассоциировалось у восставших с ненавистной и желанной «дольче вита» – просто здесь засели юнкера. Руководитель обстрела вспоминал: «Снаряды, то и дело ударяясь о стены гостиницы, рвались с невероятным треском. Со стен на тротуар летели кирпичи, железо, стекло. Точно в какой-то гигантской ступе кто-то дробил сильно звенящий предмет. Особенное удовольствие вызывало у солдат попадание в окна».

Однако здание пострадало не сильно, и сразу после революции здесь, в «Метрополе» (переименованном во Второй Дом Советов), разместились (временно, естественно) всяческие советские учреждения. В антураже дорогой гостиницы все это, конечно же, смотрелось более чем странно. Илья Шнейдер вспоминал: «Иногда часа в два ночи Чичерин стеснительно спрашивал кого-либо из секретарей:

– Нельзя ли устроить что-нибудь позавтракать?

Питался он наравне со всеми нами, в столовой Наркоминдела, под которую был отведен большой зал бывшего ресторана «Метрополь». В меню преобладала чечевица, которая

иногда вдруг почему-то перемежалась с индейкой, тогда как и курица в Москве являлась в те времена экзотической птицей.

Сам наркомат также помещался в гостинице «Метрополь», занимал все квартиры от первого и до самого верхнего этажа в той части здания, которая примыкает к белой стене Китай-города».

В библиотеку Наркомата иногда звонил сам Ленин – требовал, чтобы ему в Кремль доставили свежую прессу – то французскую, а то еще какую. Несмотря на то, что было строгое распоряжение Чичерина не выдавать газеты на руки, а позволять читать их только лишь в читальне, для Владимира Ильича делалось исключение.

Лев Никулин вспоминал: «В гостинице «Метрополь»... в первые месяцы после переезда советского правительства в Москву заседал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов.

Здесь же довольно долго находился Народный Комиссариат по иностранным делам. В то время только буржуазная Эстония и Афганистан имели дипломатические отношения с Советским государством. Отсюда нашу дипломатическую миссию отправляли в столицу Афганистана – Кабул. Двигались мы от Москвы до Ташкента две недели по железной дороге. Затем неделю до пограничной крепости Кушка. Затем тридцать один день через Хезарийские горы караваном в Кабул по горным тропам. Сейчас по вечерам над «Метропо-

лем» зажигается неоновая реклама «Пользуйтесь услугами «Аэрофлота», и вы можете оказаться в Кабуле через двенадцать часов, а то и меньше.

В комнатах, занимаемых Наркоминделом, никогда не гас свет, ночью можно было видеть Чичерина в вязаной фуфайке, его тревожили по самым незначительным вопросам, впрочем, в дипломатических делах он не признавал дипломатических вопросов.

1 мая 1920 года в помещении кафе, в первом этаже, помню, состоялся праздничный вечер. Читали стихи поэты Михаил Герасимов, Кириллов и автор этих страниц. В публике среди сотрудников скромно сидели Литвинов и Карахан».

Кстати, Карахан вошел в историю одним курьезным происшествием. Когда к нему, заместителю Чичерина, после убийства Мирбаха, немецкого посла, пришли за объяснениями сотрудники немецкого посольства, он решил, что это террористы, и с какой-то неизвестной дамой спрятался от них в одной из комнат «Метрополя». И выкурить его оттуда оказалось весьма непросто.

В «Метрополе» проходили важные собрания и прочие официальные события. Ленин появлялся тут шестнадцать раз – и все не просто так, не кофе выпить с булочкой, а на каких-то заседаниях и съездах. В частности, именно здесь сразу после убийства Мирбаха он сказал решительное «нет» немецким дипломатам, собиравшимся быстренько перебросить для охраны своего посольства батальон солдат: «Народ-

ный комиссар по иностранным делам, по соглашению с председателем Совета Народных Комиссаров, ответил, что народные массы России желают мира, что русское правительство готово дать германскому посольству, консульству и комиссиям вполне достаточную и надежную охрану из своих собственных войск, но что оно не может ни в коем случае согласиться на допущение в Москву иностранной военной части».

Вряд ли немецких посланников порадовало такое решение.

Но и жилые помещения оставались. Правда, и здесь возникла новая специфика. Анатолий Мариенгоф в «Романе без вранья» писал: «Первые недели я жил в Москве у своего двоюродного брата Бориса (по-семейному: Боб) во 2-м Доме Советов (гостиница «Метрополь») и был преисполнен необычайной гордости.

Еще бы: при входе на панели матрос с винтовкой, за столом в вестибюле выдает пропуск красногвардеец с браунингом, отбирают пропуск два красноармейца. Должен сознаться, что я даже был несколько огорчен, когда чай в номер внесло мирное существо в белом кружевном фартучке».

Тот же Мариенгоф – но только в «Циниках»: «Мой старший брат Сергей – большевик. Он живет в «Метрополе»; управляет водным транспортом (будучи археологом); ездит в шестиместном автомобиле, на вздувшихся, точно от водянки, шинах и обедает двумя картофелинами, поджаренными

на воображении повара.

У Сергея веселые синие глаза и по-ребячьи оттопыренные уши. Того гляди, он по-птичьи взмахнет ими, и голова с синими глазами полетит».

Хочется, конечно же, воскликнуть: «Был ли брат? А если был, то все-таки Сергей или Борис?» Ну, да не в этом суть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.